

ОТВАЖНЫЙ ЭКИПАЖ

В ДЕТСТВЕ и особенно в юношеские годы Василий Сигов любил читать книги о путешествиях. Эта-то тяга к путешествию и привела его в поездку. В 1936 году 18-летний юноша из деревни Белогразово Омской области поехал на Камчатку. Прямо с парохода Вася бегом, с небольшим чемоданчиком, явился в Петропавловский горком комсомола. Объявил с порога: «Я хетагуровец, дайте мне работу поинтересней».

Он стал портовым рабочим на берегу, сначала просто матросом, а потом мотористом. А по комсомольской линии — организатором спортивной и туристической работы с молодежью. Он был всегда в спортивной форме, прекрасно играл в баскетбол, волейбол, футбол, участвовал в соревнованиях по прыжкам в высоту. По бегу на длинные дистанции, отлично стрелял из малокалиберной винтовки. Ударник, стахановец Василий Иванович Сигов был примерным рабочим, и его фотография не сходила с Доски почета города. Он во всему относился с вдохновением, горячо любил морское дело. Комсомолец Сигов был всегда организатором весенних и осенних шлюпочных соревнований в Аватинской бухте под парусом. Его небольшая квартира была загружена сувенирами, связанными с морем, на столе в папке были аккуратно уложены десятки Почетных грамот, призы и спортивные значки за активную деятельность на Камчатке.

В августе 1945 года Василий Иванович Сигов был мобилизован в ряды флота и попал в распоряжение Петропавловской военно-морской базы.

На рассвете 7 августа 1945 года корабли Тихоокеанского флота подошли к острову Шумшу — важнейшей укрепленной базе японцев на Курильской гряде. Противник сосредоточил здесь крупные силы, создал мощную оборону. Остров был покрыт дотами, пулеметными и артиллерийскими капонирами. Его опоясывали две укрепленные позиции и четыре противотанковых рва. Глубоко под землей были оборудованы штаб, госпиталь, электростанция, склады.

Одной из первых в 4 часа 15 минут от борта военного транспорта «Пугачев» отошла самоходная баржа, которой командовал старшина I статьи В. И. Сигов. За ней последовали другие. Японцы обнаружили приближение наших судов и открыли яростный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Но Сигов со своими ребятами не дрогнули. Высадив десантников и пожелав им боевых успехов, Сигов развернул баржу и полным ходом устремился к судам передового отряда, чтобы доставить на берег следующую группу бойцов.

Баржу вновь быстро загрузили боеприпасами, оружием, медикаментами, разместили очередную партию десантников. Но со второго рейса началось то, что потом, уже в госпитале, старшина называл адом. Японцы открыли двух-трехслойный заградительный огонь. Вскипело море, запылало несколько наших судов. Появились убитые и раненые. Путь к берегу стал огненным, все слилось в единый бесконечный рев и гул.

Когда судно подходило к месту высадки десанта со второй группой моряков сводного батальона Камчатки, у правого борта разорвалось сразу несколько снарядов. Тяжелое ранение в голову. Уйти сейчас из рубки Василий Сигов, — никто не упрекнул бы его. «А как же судно — подбитое, беспомощное, с десятками бойцов на борту, под ураганным огнем противника?» — думал он. И Сигов приказал себе: «Не отпускай штурвал, держись, товарищ старшина!» И тут по судну прозвучала его команда: «Спокойно, друзья, ничего страшного, сейчас все будет в порядке! Завести пластыри, заделать пробойны, откачать воду!».

Высадив подкрепление тем, кто уже ведет бой на берегу, Василий с комсомольским экипажем ведет свою самоходку к плавбазе «Север». Здесь ему предлагают немедленно оставить штурвал и лечь в госпиталь. Сигов отказывается. Он снова в бою, уводит судно к грохочущему острову, острову-крепости.

В распоряжение старшины был дан станковый пулемет «Максим» с расчетом из трех человек, который возглавлял храбрый сержант комсомолец Илья Прокофьевич Казанин, родом с Полтавщины. Высокий, стройный, красивый моряк, с открытым приятным лицом, оказался не только храбрым, но и веселым, никогда не унывающим воином. В первом же рейсе Илюша, как его называли, выполнял в пулеметном расчете первого номера, артистически управлял своим «Максимкой» и сумел поджечь две ожившие огневые точки врага, а также повредил самурайский самолет.

Не только подход судна к берегу был рискованным и опасным, но и отход за очередным пополнением проходил через огненные поляны. Шли в такие минуты среди черных кипящих волн. Моряки судна не думали, что они совершают сейчас такой подвиг, что будущему поколению трудно будет понять, где кончается быль, где начинается легенда...

Сильный шторм и ветер мешали высадке десантников. Могучей волной трепало корабль, сбивало сходни и уносило в пролив. При высадке глубина оказалась выше человеческого роста, бросаясь в кипящее ледяное море, бойцы на себе переносили на берег пулеметы и боеприпасы. Коченели руки и но-

ги, противник усилил огонь из всех видов оружия. Со свистом и воем сыпались снаряды, черными птицами на воде плавали бескозырки. Но спокойно и уверенно действовал у своего пулемета сержант Казанин. Установил прицел и начал косить метавшихся на берегу самураев. Гудело, свистело все вокруг, но ничего не замечал пулеметчик: ни пуль, ни осколков, ни падающих снарядов. Только видел перед собой лютого врага, которого надо уничтожить.

Насильно оттащили друзья от пулемета истекающего кровью моряка Казанина и отнесли в кубрик, бережно сделали перевязку. Но он сорвался с койки, мигом лег к пулемету и в предсмертный момент еще раз дал длинную очередь...

...А бой на берегу все нарастал, враг все ожесточеннее сопротивлялся, контратаки следовали одна за другой. Мощные «ура!» переменялось со злым, отчаянным эхом смертников — «банзай!». Видя, что отряд моряков с пограничниками количественно небольшой, японское командование, с целью уничтожения десантников, бросило сначала 18, а потом более 30 танков, но советских воинов не утратили стальные чудовища, они были встречены метким огнем противотанковых ружей и градом гранат, а на левом фланге фронта группа моряков из взвода подрывников, во главе с техником-лейтенантом Александром Водыниным: Иван Кобзарь, Степан Рындин, Петр Бабич, Михаил Власенко и Петр Ударцов дали клятву, что не пропустят в тыл батальона вражеские танки. Ценою своей жизни они выполнили свою клятву, с честью выполнили свой воинский долг перед Родиной.

Весть о подвиге молниеносно стала известна всем участникам десанта. С возгласами: «Слава камчатским панфиловцам!», «Вон японских захватчиков с нашей земли!», «Даешь Шумшу!», советские парни бросились в атаку, захватили важную позицию противника у подножия высоты 165.

По примеру «водынников», в момент открытия второй танковой атаки, парторг роты из батальона армейцев, старший сержант Черепанов подбил два танка и один повредил. Видя, что поврежденный танк продолжает стрелять, бросился под него со связкой гранат. Младший сержант Георгий Баландин сжег два танка, бросился на встречу третьему и подорвал его вместе с собой. Танковые атаки противника провалились, из 50 вражеских машин на поле битвы горели 37.

Этот напряженный и тяжелый бой требовал усиления работы снабжающих подразделений — своевременной поставки боеприпасов, оружия, продовольствия, медикаментов. Необходима была эвакуация к берегу раненых для отправки в Петропавловск. Поэтому нагрузка на самоходную баржу, которой командовал старшина I статьи Василий Сигов, все возрастала. Несмотря на то, что экипаж был весь израненный, судно имело несколько прямых попаданий, течь одолевала, — корабль жил и действовал круглосуточно. Были случаи, когда в ночное время на них шли в атаку группы японских солдат, просочившихся через наши боевые порядки, и тогда Сигов во главе экипажа шел в контратаку. Истребив в рукопашной схватке самураев, возвращались на судно взволнованными, удовлетворенными тем, что тоже повоевали.

И так трое суток, без сна и отдыха, экипаж из шести человек доставлял на берег десантников, оружие, снаряды, патроны, гранаты, эвакуировал раненых. Еще много раз рвались снаряды у самых бортов судна, но моряки продолжали бороться за живучесть корабля, одновременно выполняя приказ командования об обеспечении десантников всем необходимым.

Не помогли самураям ни танки, ни авиация, ни крепостная батарея, привезенная из Порт-Артура, ни психические атаки. Моряки-тихоокеанцы уже шли в последнюю, решающую атаку. Но для Василия все оборвалось. Сраженный шрапнелью, он упал. Обливаясь кровью, упал и моторист Крюков — ему осколком снаряда оторвало руку.

Считали, что Сигов погиб. Медработников поблизости не было. Собирались копать могилу на берегу, соорудить ему памятник. Решали, как хоронить — по-морскому или по-армейскому, чтобы потом ходить к нему на могилу, класть живые цветы. И вдруг Костя Иванов, сидевший рядом с Сиговым, крикнул:

— Жив наш командир, вот, смотрите! Я ему ко рту зеркальце поставил.

В госпитале он ожил и прошептал: «Ну, как там ребята?».

В Петропавловске из его тела магнитом извлекли сотни осколков. Почти год пролежал он в госпитале.

За воинское мастерство и проявленный героизм Василию Ивановичу Сигову присвоено звание Героя Советского Союза. Высокими правительственными наградами отмечены его боевые товарищи Иван Крюков, Константин Иванов и Петр Киселев, а также краснофлотцы-подводники пулеметчики Иван Баторин и Александр Караманов.

И все они снова на вахте. В. И. Сигов живет и трудится в Астрахани, остальные на стройках Сибири и Дальнего Востока, на стройках коммунизма.

А. ПЕРМ, ветеран войны, участник освобождения Курильских островов.